ВОЕННЫЙ

БАЛАГУР.

послѣднія телеграммы и новости и всѣ вѣрнѣй вѣрнаго!

Приключенія, размышленія и видѣнія Дѣда Травоѣда. Изданіе автора.

юмористическій и сатирическій альманахъ.

Складъ изданія: Москва, Домниковская д. 2. кв. 25. | типографія

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
№ 23790 1963 г.

Война и дороговизна.

Чертъ.—Молодецъ, купчина, ловко цѣны на хлѣбъ вздуваетъ! За это мы тебя съ честью встрѣтимъ въ преисподней, когда скончаешся!

Скупщикъ хлѣба.—Ну, это еще бабушка на двое сказала. Мы теперча такъ наживемся, што не только пудовую свѣчу—колоколъ въ тыщу пудовъ отольемъ! На-ка выкуси, рогатый!

Экстренныя телеграммы дѣда Травоѣда

ЛАМАНШЪ.

Грозили Англіи блокадой
Германцы, злобою пылая,
Теперь и сами ужъ не рады,
Протесты кучей получая.
Блокада вышла смѣхотворной,
На морѣ нѣмцевъ и не видно!
Ихъ лодки подъ водой проворно
Пугаютъ рыбу лишь обидно.
Пока еще не объявляла
Блокады нѣмчура хвастливо,
Имъ кой когда и попадала,
Хоть и пустякъ, а все—пожива,
Теперь-же и подводнымъ лодкамъ
Закрыты всѣ пути-дороги
И нѣмцамъ уносить къ селедкамъ
Придется скоро свои ноги!

БЕЛЬГІЯ.

Близокъ расчетъ окончательный
Съ злымъ кровожаднымъ врагомъ.
Взыщется все основательно
Съ нѣмца за дерзкій погромъ!
Нѣмецъ могучій расплотится
Съ Бельгіей слабой вполнѣ.
Всѣ ел бѣды приходится
Вынесть нѣмецкой спинѣ!

ВАРШАВА.

Нѣмцы канцлера сыночка
По могиламъ все искали
И при этомъ намъ нечайно
Свой секретецъ показали.
Оказалось: зарывая
Мертвецовъ при отступленьи
Нѣмцы клали пулеметы,
Пушки... имъ на сбереженье.
Всѣ нѣмецкія могилы
Разрывать придется смѣло,
Что бъ орудья и снаряды
Не лежали тамъ безъ дѣла!

СЕРБІЯ.

Снова храбро австріяки
Бомбардируютъ Бѣлградъ.
Снова лѣзутъ къ сербамъ раки,
Просятъ новенькихъ наградъ.
На себя надѣясь мало,
Въ тылъ албанцевъ повели,
Но и этимъ такъ попало—
Еле ноги унесли!

БЕРЛИНЪ.

Какъ по всѣй теперь Германіи
Голодуха разрастается,
А за ней холера страшная
Неизбѣжно появляется.
Нѣмцы хвастаться побѣдою
Перестали—надоскучило,
По недѣлямъ не обѣдая—
Животы перекорючило!

ВѢНА.

Еще одно лишь наступленье
И Австрія легко вздохнетъ,
Вся армія австрійская тогда ужъ
Въ плѣнъ къ русскимъ попадетъ...
И этимъ кончится война—
Вѣдь надоѣла всѣмъ она?

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Видѣлъ страшный сонъ султанъ:
Будто прусскій тараканъ
Въ носъ залѣзъ къ нему пострѣлъ,
И... весь носъ ему отъѣлъ!
У Энвера онъ спросилъ:
Сонъ къ добру ли этотъ былъ?
Тотъ, въ отвѣтъ знать на вопросъ,
Свой пощупалъ только носъ!

КАЗЮВКА.

Какъ у самой у Казювки
Цѣловали нѣмцевъ въ губки.
Цѣловали не губами
А стальными все штыками.
Отъ такой россійской ласки
Позакрыли нѣмцы глазки
И ужъ больше не брыкались—
Смирно на землѣ валялись!

Глупый хѣжецъ.

(Анекдоты).

Какъ Гансъ усы отращивалъ, что бы кайзера посмотрѣть.

Захотѣлось Гансу кайзера посмотрѣть. Всѣ говорятъ: кайзеръ, кайзеръ, а что такое это за человѣкъ, Гансъ не зналъ.

Ему показывали портреты кайзера—генералъ какъ генералъ. съ усами, въ мундирѣ. Ничего особеннаго. А между тѣмъ всѣ только и говорятъ объ немъ...

— Хочу видѣть кайзера!—заявилъ Гансъ.

— Дуракъ, какъ же ты ему покажешся, коли у тебя и усовъ вовсе нѣтъ?

— А развѣ нужны усы?

— Конечно. У кайзера усы и у всѣхъ должны быть усы!—шутили надъ Гансомъ.

Задумался Гансъ.

Усовъ у него, дѣйствительно, не было.

Но Гансъ не любилъ долго задумываться. Зналъ онъ, что землю навозомъ удобряютъ и дава себѣ подъ носомъ навозной жижей смазывать.

Стали Ганса за это повсюду гнать, никуда не пускать. а онъ удивляется:

— Эка важность, что навозомъ воняетъ? За то у меня усы выростутъ и я тогда на кайзера пойду смотрѣть...

Усовъ Гансъ себѣ не выростилъ, а людей надолго отучилъ имѣть съ нимъ общеніе.

Какъ Гансъ бельгійскаго козла въ плѣнъ забралъ.

Забрали Ганса въ солдаты и погнали въ Бельгію воевать.

Пошелъ его полкъ на бельгійскіе окопы въ атаку, а Гансъ увидалъ по дорогѣ, въ кустахъ солдатскую сумку и захотѣлъ покурить. Зналъ онъ, что въ солдатской сумкѣ найдутся папиросы а потому, не долго думая, свернулъ въ кусты, досталъ изъ сумки папиросу и закурилъ.

Товарищи его стрѣляютъ, кричатъ: „Хохъ!“ дерутся съ бельгійцами, а онъ сидитъ въ кустахъ, да покуриваетъ.

Только докурилъ папиросу, вдругъ слышитъ, кто то въ кустахъ ворочается.

— Ага, непріятель?—обрадовался Гансъ.—Сейчасъ я его въ плѣнъ заберу...

Въ это время полкъ его назадъ бѣжалъ, отстрѣливаясь отъ гнавшихся за ними бельгійцами.

Бросился Гансъ въ кусты, схватилъ кого-то поперекъ туловища и взваливъ на шею, побѣжалъ вслѣдъ за товарищами.

Пули кругомъ его, какъ пчелы, жужжатъ, плѣнникъ за спиной ворчитъ и брыкается, а Гансъ знай себѣ улепетываетъ. Перехватился рукой, за бороду плѣнника поймалъ.

— Ишь-ты,—говоритъ,—съ бородой!

Плѣнникъ его за руку укусилъ, но Гансъ его все же не выпустилъ.

— Кусайся не кусайся, а ужъ я тебя къ начальству доставлю. Награду за это получу.

Какъ нѣмецъ рыбу ловилъ.

Нѣмецъ носъ имѣлъ предлинный,
И, катаясь на конькахъ,
Поудить онъ носомъ рыбу
Вздумалъ... парень не промахъ!

Хлѣба нѣтъ такъ будетъ рыба!
Карлъ кричитъ, какъ чертъ въ лѣсу
И изъ проруби... ужъ тащитъ
Щуку злую на носу!

Ввалился Гансъ въ свои окопы и всѣ кругомъ захотали надъ нимъ.

— Куда ты его притащилъ то?— кричатъ.

— Куда? Въ плѣнъ забралъ:— выпалилъ Гансъ и сваливъ съ плечей ношу, только тутъ увидалъ, что притащилъ въ окопы не бельгійскаго солдата, а козла.

Гансъ офицера спасаетъ.

Слышалъ Гансъ, что за спасеніе раненыхъ офицеровъ солдатамъ награды даютъ и рѣшилъ при случаѣ заняться этимъ дѣломъ.

Однажды была горячая схватка съ французами. Гансу, какъ дураку, всегда везло и хоть онъ не столько дрался, сколько ротъ разѣвалъ, но не одинъ французскій штыкъ не наткнулся на него. Вдругъ онъ видитъ раненаго офицера, который слабо стоналъ.

Недолго думая, Гансъ схватилъ его за ноги и поволокъ въ сторону отъ сраженія. Вытащилъ на полянку, смотритъ а офицеръ то уже и не дышетъ.

Таща его за ноги, Гансъ разбилъ ему голову объ камень.

— Вотъ и спасай тутъ вашего брата! — недовольно проворчалъ Гансъ и плюнулъ даже съ досады. Думалъ награду получить, а выходитъ дѣло—только напрасно трудился.

1915 г.

Нѣмецкій катокъ.

Куры, утки и гусяты
Вмѣсто нѣмцевъ на каткѣ;
Наслаждаются природой,
Не мечтая о войнѣ!

Что бы кайзеръ ихъ не скушалъ.
Нарядилися людьми...
На войну-жъ коль позоветъ ихъ,
Птицы только лишь они!

Балагуръ.

Нехорошее дѣло, братцы, война, а кой въ чемъ оказывается и полезной она. Я уже не говорю объ уничтоженіи вина, польза тутъ и слѣпому даже видна, не говоря уже и про то откровеніе, что не было ничего легче, какъ дать Россіи отрезвленіе!.. Помимо того сколько полезныхъ явленій наблюдается—о чемъ и мечтать нельзя—совершается! Преступниковъ въ Россіи такъ стало мало, что даже судьямъ удивительно стало. Всегда они работой по горло завалены бывали и вдругъ стопъ машина!

Преступники забастовали!

Женщина до послѣднихъ дней съ мужчиной не могла уровняться и всюду должна была на заднемъ планѣ оставаться, а теперь смотрите: женщины—на трамваяхъ кондукторша, женщины—доктора, женщина—и та цикомъ стала и даже въ профессора попала! И на войнѣ женщина сражается и за храб-

рость георгіевскими крестами награждается... А раньше у насъ гдѣ женщинѣ былъ ходъ? Всюду и вездѣ ей показывали „отъ воротъ поворотъ“.

И много такого въ явь совершилось, чего нашимъ „заправиламъ и воротиламъ во снѣ даже не снилось. Многое и еще совѣршится, пока эта чудовищная война длится, особенно-же послѣ ея окончанія.

Не даромъ всюду и вездѣ высказываются пожеланія, ожиданія перемѣнъ значительныхъ, благодѣтельныхъ и утѣшительныхъ!

Какъ не тяжекъ, не губителенъ военный періодъ, вынесетъ его русскій народъ, кровью и костями своими права на лучшую жизнь создастъ и на попраніе своихъ правъ не отдастъ!

Будемъ же вѣрить, братцы, что святая кровь народная—жертва не безплодная!

А теперь займемся дѣлами простыми, житейскими мелочными, которыми наша жизнь наполняется и хуже всякаго яда отравляется.

О дороговизнѣ сейчасъ вездѣ большой разговоръ идетъ и цѣна на самый необходимый товаръ растетъ и растетъ...

Торговцы на войну ссылаются, а между прочимъ обстоятельства такія открываются, что война-то остается въ сторонѣ, а на сцену выступаютъ волчьи аппетиты торговцевъ однѣ. Война только торговцу предлогъ—засунуть лишній барышъ за сапогъ... И дѣло доходитъ до того, что правительству приходится къ секвестру прибѣгать, что бы волчьи аппетиты обуздать.

Какъ это не странно, братцы, но мнѣ приходится такой мыслью задаваться: да одни-ли Колупаевы да Разуваевы въ своемъ грабительствѣ виноваты? Вина ихъ теперь въ томъ, что они богаты и все же не хотятъ своей привычки бросать: съ живого и мертваго шкуру драть!

Но было время, когда Колупаевы да Разуваевы только богатѣть начинали и вмѣстѣ съ тѣмъ въ шкуродерствѣ руку набивали.

Тогда они ходили волчками, ниже травы склонялись передъ всякими панами и вездѣ смазывали да подмазывали, никому о томъ не сказывали. Иной Колупаевъ самъ, небось, суткам не жралъ, а взятку, гдѣ нужно, да валъ и при этомъ почти поневолѣ с подвернувшейся жертвы шкуру драл Не сдерешь, молъ, съ него, такъ сдерутъ съ тебя самого!

Вотъ, братцы, гдѣ школа Колупаевыхъ и Разуваевыхъ была, и я, по ложа руку на сердце, скажу:

— Они только на половину ответственны за свои дѣла!

Защищать ихъ, конечно, не приходится, но пусть и другой виновникъ обвиненія не скроется! Пусть онъ рядомъ съ Колупаевымъ стоитъ и на свое дѣтище поглядитъ. Пусть онъ руки въ сторонкѣ не умываетъ и благочестивой лисицей пышный свой хвост не распускаетъ!..

Народъ его давно уже знаетъ!

Теперь, братцы, полюбуйтесь на деморощенныхъ гогенцолерновъ, людишекъ если не скверныхъ, то все же с душкомъ. Ихъ мы разсматривать с провинціи начнемъ:

На станціи Дрезна начальникъ любитъ покушать въ обѣдъ, говорятъ: на станціи „Пѣтушки“ онъ съѣлъ цѣлы буфетъ, а на Дрезнѣ тѣмъ аппетит возбуждаетъ, что пассажировъ гоняетъ А торговцы Дрезденскіе тоже хороши закалачивать въ свои карманы гроши Черный хлѣбъ по пяточку за фунт продавали—

Не зѣвали!

Зимнѣ на клѣбъ не много набавлялъ, но за то... изъ другой муки хлѣбъ выпекалъ...

Капуста два года лежала, но даромъ не пропала и на помойку не попала, вся, безъ конфуза, переправилась въ

Начинающіе писатели.

Приглашаются участвовать въ изданіи литературныхъ сборниковъ на товарищескихъ началахъ. Подробности почтой На отвѣтъ марку Адресъ: Москва. Домниковская, д. 2. кв. 25.

Типографія Алянчикова, Травину.

рабочее пузо. Хозяину доходъ, а рабо-чій?—

Ѣнъ все сожретъ!

А на фабрикѣ завѣдующій Тупицинъ и конторщикъ Спицынъ рабочихъ на-нимаютъ, великій постъ соблюдать за-ставляютъ и къ Пасхѣ разговлятся рѣдькой подготовляютъ...

Блягочестивцы свое дѣло туго знаютъ!

А на станціи Лосиноостровской Рябышевъ купецъ прямо мюр-мерелизистый молодецъ. Чего у него только нѣтъ, даже электрическій свѣтъ, трактиръ и гастрономическій магазинъ, въ которыхъ служащіе дрожатъ, какъ листья осинъ... Но самое главное, это все у него дороже на двѣ, на три копѣечки, противъ Москвы. Малый, какъ видите, не безъ головы? За моремъ, молъ, телуш-

Юмористическіе и фантастическіе

Военные разсказы,

СТИХИ и КАРРИКАТУРЫ ТРАВИНА.

ВЫШЛИ КНИЖКИ:

1. Какъ Вильгельмъ чорту душу продавалъ?

2. Свинья красавица или одураченные нѣмцы Къ чему Вильгельма во снѣ увидать?

3

ГЕРМАНСКІЕ ГЕНЕРАЛЫ и РУССКАЯ ПОРТЯНКА

4. КАКЪ РУССКІЙ САПОГЪ НАПУГАЛЪ ЦѢЛЫЙ НѢМЕЦКІЙ ПОЛКЪ? ТУРЕЦКІЙ СУЛТАНЪ НА ВЕРЕВОЧКѢ. ЖАРЕНЫЙ БИЛЬГЕЛЬМЪ.

5

ДВА ИМПЕРАТОРА ВЪ ПОЛОЖЕНІИ «ХУЖЕ ГУБЕРНАТОРА". СУЛТАНЪ МАГОМЕТЪ ПРОДАЕТЪ СВОИ ГАРЕМЪ.

6

СЛЕЗЫ ЧУДОВИЩЪ. ГЕРМАНСКІЙ КРОКОДИЛЪ

7. КАТАСТРОФА. ГИБЕЛЬ ТРЕХЪ ИМПЕРІЙ

8 „СВОБОДА и ПАЛАЧЪ!

9 ЗА РОДИНУ и ВОЛЮ. МАРСЕЛЬЕЗА.

10 ГЕРОИ ИЗЪ НАРОДА!

11 ВИЛЬГЕЛЬМЪ-ЛЮДОѢДЪ!

12 ВИЛЬГЕЛЬМЪ-КЛОПЪ.

13 ГЕРМАНІЯ-УБІЙЦА!

14 ДИКАЯ КРОВЬ.

15 РАЗГРОМЪ ТУРОКЪ.

16. ЗАЛПЪ. ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВЪ ШКУРѢ САТАНЫ.

17. ШРАПНЕЛЬ. КАКЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВАРШАВУ ВЗЯЛЪ.

18. ТОРПЕДА. ВИЛЬГЕЛЬМЪ ГОВѢЕТЪ.

Цѣна каждой книжки 3 коп. съ перес. 5 коп.

Всѣ 18 книжекъ высылаются за 60 копѣекъ марками или деньгами.

Русскія военныя пѣсни 1915 года. книга 1-я ц. 5 коп.

Русскія пѣсни войны 1915 года. книга 2-я ц. 3 коп.

НОВЫЯ ВОЕННЫЯ ПѢСНИ

Складъ изданія: Москва, Домниковская, 2, кв. 25. С. Алянчикову. Деньги можно высылать марками

ка—грошъ, да вѣдь даромъ ее не провезешь, а конкуренціи никакой! Была Мытищенская потребиловка, да и ту лосиноостровскій дачевладѣлецъ лягнулъ нѣмецкой ногой. Русская потребиловка пропала а нѣмецкая по духу, нѣмца изъ себя разыгрывать стала, да такъ и сейчасъ этимъ дѣломъ заниматься продолжаетъ. Въ ней даже мясникъ нѣмца изображаетъ и русскихъ кухарокъ за людей не считаетъ. Всячески, значитъ, Рябушеву процвѣтать помогаетъ...

Впрочемъ, въ провинціи толи еще бываетъ!

Въ Дорогомиловѣ, на Брянской улицѣ, есть домъ Истратова, человѣка богатаго, который съ желѣзникомъ Долговымъ не постыдился судиться, а теперь до того сталъ серчать, что не велитъ никому въ его домъ Долгова пускать.

Пока, братцы, объ этихъ пустяковинахъ перестану болтать. Дураковъ не усовѣстишь словами, а тѣмъ болѣе тѣхъ—

Кто съ мозгами!..

Посему позвольте на сей разъ и распроститься съ вами.

Февраль 1915 г.

ГЛУПЫЙ ОРЕЛЪ.

(басня).

Орлу въ гнѣздѣ родномъ казалось тѣсно
И сталъ онъ гнѣзда вить на свѣтѣ повсемѣстно
Въ сосѣдствѣ съ медвѣдемъ,
Съ овцой смиренною, съ задорнымъ пѣтухомъ
На островкахъ, средь глади водъ пустынныхъ,
И во владѣньяхъ львиныхъ.
Повсюду носъ орлиный свой совалъ
И всѣхъ съ собой считаться заставлялъ...
Въ жилищѣ жъ у совы носастой
Онъ сталъ вполнѣ хозяинъ полновластный...
И всюду, гдѣ бъ объ общей жизни разговоръ не шелъ,
У всѣхъ на языкѣ вертѣлся тотъ орелъ...
И отъ извѣстности такой
Орелъ такъ возгордился,
Что стать всѣмъ въ свѣтѣ головой
Задумать не смутился.
И сталъ онъ всѣхъ звѣрей и птицъ пугать—
И всѣмъ когтями, клювомъ угрожать!
Наскучило такое всѣмъ бахвальство.
И вотъ незванное начальство
Всѣ звѣри дружно окружили,
Лишивъ его когтей,
Изъ общества звѣрей
Домой съ позоромъ протурили.

1915 г.

НОВЫЯ ПОСЛОВИЦЫ.

— Не зажмурился — наполитурился!

— Бабы скачутъ—мужьямъ водки негдѣ взять; бабы плачутъ—ихъ и трезвыхъ не видать!

— Не было бы войны—всѣ были бы пьяны.

— На войнѣ не дома—мягка и солома.

— Оттого намъ было не сладко вчера, что барствовала у насъ нѣмчура.

— Хоть Русь-матушка и охнетъ, да за то нѣмецъ подохнетъ!

Москва Типографія С. А. Алянчикова
Домниковская улица д. 2, кв. 25